

DOI 10.31029/vestdnc82/5

УДК 94

МАРИЯ БЕННИГСЕН-БРОКСАП ОБ АНТИСОВЕТСКОМ ВОССТАНИИ 1920–1921 гг.

Л. Б. Салихова, ORCID: 0000-0002-8074-6982

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

В статье рассматривается исследование известного политолога и историка, являвшегося ведущим экспертом в области изучения истории мусульман Кавказа и Центральной Азии, Марии Беннигсен-Броксап, посвященное антисоветскому восстанию 1920–1921 гг. в Дагестане и Чечне. Показано, что эта борьба велась между двумя противниками – консервативными мусульманами и Красной армией. Отмечены, моменты, которые привлекли внимание иностранного исследователя, – это «ошибки», совершенные Красной армией в отношении местного населения и повлекшие за собой восстание, оснащенность и готовность к боевым действиям противоборствующих сторон, военные операции на территории, охваченной восстанием, жестокость и храбрость противников и т.д. Данная работа представляет взгляд иностранного автора на события, имевшие место в приграничных территориях России, и дополняет материал отечественных исследователей.

The article examines the study of well-known political scientist and historian, who was a leading expert in the study of the history of Muslims of the Caucasus and Central Asia, Maria Bennigsen Broxup, dedicated to the anti-Soviet uprising of 1920–1921 in Daghestan and Chechnya. It is shown that this struggle was waged between two opponents – conservative Muslims and the Red Army. It is marked points that attracted the attention of a foreign researcher – the "mistakes" committed by the Red Army in relation to the local population and entailing an uprising, equipment and readiness for hostilities of the opposing sides, military operations in the territory covered by the uprising, cruelty and courage of opponents, etc. This work presents the view of a foreign author on events that took place in the border territories of Russia, complements the material of native researchers.

Ключевые слова: Мария Беннигсен-Броксап, Гражданская война, Северный Кавказ, Дагестан, восстание 1920–1921 гг., повстанцы, Красная армия.

Keywords: Marie Bennigsen Broxup, Civil war, the North Caucasus, Daghestan, the 1920–1921 uprising, rebels, Red Army.

Революции в России, Гражданская война, иностранная интервенция привлекают внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Несмотря на интерес, который представляет указанный период, стоит отметить сложность и трудность его исторического изучения. Американский ученый-историк П. Кенез полагал, что эта трудность являлась основной причиной игнорирования этого периода западными историками. «Комплексное исследование Гражданской войны вряд ли можно предпринять, пока не будет проведен ряд подробных исследований отдельных областей и периодов»¹, – отмечал он [1, р. 2].

Американский историк (азербайджанец по национальности) Ф. Каземзаде писал: «История нерусских жителей бывшей Российской империи сегодня практически неизвестна на западе, и их важность не принимается во внимание» [2, р. Vii]. Со временем интерес иностранных исследователей к приграничным территориям России стал возрастать [3–8]. К одним из таких исследователей относится Мария Беннигсен-Броксап (1944–2012) – известный политолог и историк, являвшаяся ведущим экспертов в области изучения истории мусульман Кавказа и Центральной Азии.

Отец М. Беннигсен-Броксап – Александр Беннигсен «хорошо известен всем занимающимся мусульманами российского Востока как создатель крупнейшей в Европе и США времен “холодной войны” школы исследований ислама в России» [9, с. 205]. М. Беннигсен-Броксап продолжила дело отца. Она окончила Институт живых восточных языков в университете Сорбонны и уже

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен нами. – Л.С.

там определилась в отношении дальнейшей специализации по истории российских завоеваний на мусульманском Востоке, прежде всего на Северном Кавказе. В дальнейшем она изучала «проблематику мусульманского сопротивления на окраинах Российской империи и СССР». Особое внимание она уделила изучению «движения против российского владычества накшбандийского шейха Узун-Хаджи и имама Наджм ад-дина Гоцинского в горном Дагестане и Чечне конца Гражданской войны и первой половины 1920-х гг.» [9, с. 206]. Под руководством М. Беннигсен-Броксап были переизданы редкие памятники мусульманской публицистики и краеведения дореволюционной эпохи в русских переводах. Она являлась главным редактором журнала «Центральноазиатское обозрение» (Central Asian Survey) и возглавляла его с 1987 по 2007 г. Мария Беннигсен-Броксап являлась постоянным консультантом по Кавказу министерства иностранных дел и министерства обороны Франции в 1981–1990 гг. [9, с. 206].

Под редакцией М. Беннигсен-Броксап вышли издания, ставшие востребованными и неоднократно переиздававшиеся в разных странах мира. В 1992 г. вышел сборник статей «Северокавказский барьер на пути российского продвижения на мусульманский Восток» [10]. М. Беннигсен-Броксап была не только редактором, но и автором одной из статей, опубликованных в данном издании. В своей статье «Последний газават. Восстание 1920–1921 гг.» она останавливается на периоде Гражданской войны в России и особое внимание уделяет Северному Кавказу.

М. Беннигсен-Броксап отмечает, что в 1917–1920 гг. на Северном Кавказе противостояли друг другу четыре основных противника – большевики, кавказские националисты, Белая армия Деникина и консервативные мусульмане, а также внешние силы, принимавшие прямое или косвенное участие в конфликте.

Автор обращает внимание на то, что в то время, когда Красная армия заняла низменности Дагестана (весна 1920 г.), в европейской части России Советы разбили Белую армию и захватили Азербайджан, а на Северном Кавказе борьба велась между двумя противниками – консервативными мусульманами и Красной армией.

М. Беннигсен-Броксап отмечает, что в 1920 г. на стороне Советов было мало коренных мусульман. Автор ссылается на Самурского, который отмечал, что коммунисты, прибывшие в составе 11-й Красной армии, плохо знали социальные условия Дагестана и характер горцев, ими «было совершено несколько ошибок, таких как грабительские набеги, жестокость, зверства и нападки на религию» [10, р. 112]. Это вызвало недовольство со стороны горцев, которое переросло в восстание, охватившее все мусульманское население и носившее характер джихада. Территория, охваченная восстанием, была небольшой и, согласно автору, почти точно соответствовала территории, занятой Шамилем в конце существования имамата (1834–1859). Красная армия в начале боевых действий контролировала большую часть Дагестана и Чечни, располагала гарнизонами в самых важных горных крепостях в Гунибе, Гимры и Ведено. В связи с этим повстанцы не могли прорваться через христианскую Осетию в мусульманскую Кабарду или для соединения с ингушами.

Повстанцами руководило накшбандийское братство. Номинальным лидером восстания был правнук Шамиля, молодой Саид Бек (Бей), который прибыл в Дагестан из Турции, а политическим и духовным лидером – аварец, шейх Нажмуддин из Гоцо (Нажмуддин Гоцинский). М. Беннигсен-Броксап пишет, что в августе 1917 г. он был избран имамом Дагестана и Чечни (хотя ему пришлось отказаться от этого титула, в итоге он был провозглашен муфтием. – Л.С.). Автор выделяет шейха Узун Хаджи из Салты, называя его духовным наставником и главным духовным авторитетом сопротивления, уделяет ему особое внимание и отмечает, что он «никогда не признавал царскую власть, ... ненавидел всех русских и относился к ним как к врагам независимо от их политических взглядов. В период Гражданской войны он сражался с дени-

кинцами (которых он считал хуже большевиков), отрядом Бичерахова и терскими казаками. Он понимал революцию как ознаменование конца российской власти и какое-то время сражался бок о бок с большевистскими отрядами против белых» [10, р. 114, 115].

Сам Узун-Хаджи не принимал участия в восстании, он умер в марте 1920 г. в возрасте 90 лет. Восстание началось через несколько месяцев после его смерти. Руководство и военное командование восстанием разделили между собой нахшбандийские шейхи и группа бывших царских офицеров, которых возглавлял полковник Кайтмас Алиханов [10, р. 115].

М. Беннигсен-Броксап отмечает, что повстанцев было немного, 9690 человек, в их распоряжении находились старые винтовки и ружья, сорок пулеметов, захваченных в бою. Повстанцы пользовались лояльностью и поддержкой местного населения, хорошо знали и ориентировались в высокогорной местности в отличие от Красной армии. Последняя численно превосходила повстанцев, в ее распоряжении находились две армии: 11-я из Астрахани (Терско-Дагестанская армия) и 9-я (Кубанская армия). В распоряжении Советов было 27 стрелковых полков, 6 конных полков, 6 артиллерийских групп, два специальных батальона войск внутренней охраны, специальные формирования (авиация, броневики и др.), отряды московского и местного ВЧК – в целом от 35 000 до 40 000 бойцов [10, р. 116, 117]. Таким образом, М. Беннигсен-Броксап дает характеристику оснащенности и готовности к боевым действиям противоборствующих сторон.

В данной работе наше внимание привлекло сравнение, сделанное автором в отношении политики Советов и царских властей на Северном Кавказе. Накануне революции здесь было всего 93 государственные школы, отмечает М. Беннигсен-Броксап, обучением в которых было охвачено небольшое число учащихся. Влияние России на жизнь и обычаи дагестанцев и чеченцев было незначительным даже в городах, полагает М. Беннигсен-Броксап. Ошибкой российских правителей являлось то, что они не пытались понять традиции народа, которым управляли посредством военной администрации. В отношении Северного Кавказа Советы пошли по стопам своих предшественников, заключает автор.

М. Беннигсен-Броксап подробно описывает события 1920–1921 гг. Весной 1920 г. Гражданская война подходила к концу, в Дагестане оставалась Белая армия под командованием Деникина, которая контролировала низменные прибрежные города [10, р. 121]. В начале марта благодаря совместным усилиям красных партизан, поддержанных мюридами шейха Али из Акуши, последователями Узун-Хаджи из Нагорного Дагестана и Чечни, города были освобождены от белых. 11-я Красная армия, продвигавшаяся с севера в направлении Баку, по прибытии в Дагестан была радушно, с красными флагами, встречена жителями городов и аулов, уже освобожденных от белых.

М. Беннигсен-Броксап отмечает, что Красная армия, встреченная как союзник местным населением, которое вело войну за свободу против их общего врага – белых, вела себя «надменно и с беззаконием иностранной державы на захваченной территории» [10, р. 122]). Четырьмя месяцами позже разразился самый жестокий с начала революции конфликт, потрясший Кавказ. «Конкретными “ошибками”, неизбежно вызывающими недовольство горцев, были, прежде всего, глупые нападки на патриархальные традиции и ислам, а также различные унижения, такие как карательные рейды, разоблачения со стороны полиции, шантаж, урегулирование частных междоусобиц, грабежи, конфискация продуктов питания и кормов, принудительный призыв в Красную армию, реквизиция и уничтожение мелкой торговли» [10, р. 122].

Далее автор более подробно останавливается на военных операциях, проводившихся в период восстания, отмечая, что повстанцы начали собирать силы в августе 1920 г. Восстание, начавшееся в Дидойском и Анцухо-Капучинском участках, граничивших с Грузией, вскоре приобрело массовый характер. Оно распространилось на Гунибский, Аварский и Андийский округа, наиболее уда-

ленные и недоступные территории Дагестана. Так, милиция и партизанские отряды укрылись в крепостях Хунзаха, Ботлиха и Гуниба. Некоторые территории остались верны Советской власти, это территории под руководством шейхов Хасана и Хабибулла Хаджи, что явилось определяющим фактором в последующем развитии событий.

Местные Советы, существовавшие в Нагорном Дагестане, распались, власть перешла в руки руководителей восстания. Едой и фуражом повстанцев обеспечивало местное население, каждый боец должен был иметь свое собственное оружие. «Армия в основном состояла из пехоты, но каждая “сотня” имела приблизительно 10 всадников. Повстанцы имели несколько пушек, захваченных ранее в период военных действий, но редко используемых из-за нехватки боеприпасов. Пехота была вооружена русскими ружьями, но многие бойцы имели только кремневые ружья времен Шамиля или охотничьи ружья. Единственные доступные патроны были захвачены у Красной армии. ... У всех повстанцев были кинжалы и иногда револьверы», – пишет М. Беннигсен-Броксап [10, р. 123, 124].

Остановливаясь на боевых действиях, автор отмечает, что изначально успех был на стороне повстанцев. В начале сентября 1920 г. командир Дагестанского отряда Осиповский направил из Темир-Хан-Шуры в Ботлих, Гуниб и Хунзах подкрепление в 1000 человек после получения сообщения о восстании. Так как все телеграфные линии были уничтожены повстанцами, было привлечено и местное ополчение для разведывательных работ. Автор отмечает, что первая операция, проведенная Осиповским, была безрассудной, так как против высокогорных аулов были направлены одновременно три экспедиции, при этом крепости гарнизонов были оставлены незащищенными. В итоге меньше чем за шесть недель повстанцам удалось взять под контроль большую часть Нагорного Дагестана, Андийский, Аварский и Гунибский округа, уничтожить или изолировать командование частей Красной армии. Согласно Тодорскому, количество красноармейцев в тот период было не более 3000.

М. Беннигсен-Броксап уделяет внимание и событиям в Араканском ущелье. Она отмечает, что мнения Самурского и Тодорского (А.И. Тодорский – начальник 32-й стрелковой дивизии. – Л.С.) относительно этих событий не совпадали, и полагает, что Тодорский был намеренно неточным, так как для профессионального военного, каким он являлся, было бы тяжело соотнести «явную глупость и отсутствие стратегического мышления, которые привели к катастрофе. После десятидневного артиллерийского обстрела из Араканских “ворот” у входа в узкую долину, ведущую к аулу, красные, в целом 700 человек, позволили завлечь себя со всей их артиллерией в ущелье, где им пришлось распределить свои линии. 30 октября войска шейх Мохаммеда из Балаканы окружили отряд, закрыв пути эвакуации с обоих концов ущелья, и уничтожили его до последнего человека, захватив все военное оборудование, включая 24 пушки. ... Аракан (Аракани) был впоследствии назван бойцами Красной армии “Долиной смерти”» [10, р. 124, 125].

По-видимому, М. Беннигсен-Броксап согласна с Самурским, который считал, что это был типичный пример ошибок и промахов военного командования, не имевшего представления о географии края, обычаях и военных традициях кавказских горцев. События в Араканском ущелье послужили уроком для командования 11-й Красной армии, с этого времени руководство войсковой операций по подавлению восстания возлагалось на профессиональных военных, а не на политических комиссаров.

Пока шло сражение за Аракан (Аракани), было создано два дагестанских партизанских отряда под руководством Самурского и Шеболдаева, они покинули Темир-Хан-Шуру и направились к крепостям Хунзах и Гуниб. В их состав входило 500 человек, по пути они были встречены группой партизан Караева и Богатырева. 28 октября 1920 г. партизаны с большим трудом захватили аул Голотль, контролировавший дорогу к Хунзаху. Таким образом, они освободили гарнизон,

шесть недель находившийся в осаде. Автор отмечает, что данная операция была по силам только местным отрядам, так как «ни одно красноармейское подразделение не смогло бы совершить такой подвиг за отведенное время по крутым горным тропам и дорогам при температуре 30 градусов ниже нуля» [10, р. 125–127]. 6 ноября Хунзахская крепость была окончательно освобождена, осаждавшие ее повстанцы (около 400–500 человек) были выбиты оттуда.

При описании восстания 1920–1921 гг. автор дает характеристику боевым действиям противоборствующих сторон, отмечая жестокость противников. М. Беннигсен-Броксап описывает события, связанные с потерей 1-й образцового Революционно-дисциплинарного стрелкового полка (700 человек, девять пулеметов и большой запас боеприпасов), о чем сообщало командование 30 ноября. М. Беннигсен-Броксап отмечает, что полк покинул Грозный 9 ноября, достиг Ведено, Ботлиха. 18 ноября он захватил Муни, таким образом, повстанцы отступили в вышерасположенный аул Орта-Кала. Население Муни было разоружено, разграблено, были взяты заложники, еда и фураж были конфискованы. Все это, согласно Тодорскому, восстановило население аула против полка. В дальнейшем преследуя повстанцев и оккупировав Орта-Калу, отряд в количестве 250 человек начал поиски оружия. Ошибка руководителей отряда состояла в том, что они не позаботились о своей защите и охране своих позиций, это привело к тому, что их атаковали с тыла, возможность к отступлению была отрезана, отряд был полностью уничтожен. Мятежникам оказали помощь жители селения Муни.

Повстанцы пытались деморализовать остальную часть полка и окружили Ботлих. Командование полка решило пойти на переговоры с врагом, несмотря на опасения предательства. Оно просило безопасного прохода в Чечню в обмен на оружие, в итоге неразумно сдавшие оружие офицеры и комиссары были убиты, а солдаты оставлены замерзать. Среди них оказалось несколько выживших, которым удалось добраться до укрепления Ведено и сообщить о «жестокой» расправе. Таким образом, полк, который являлся «образцом революционной дисциплины» и с особым усердием применял эту «дисциплину», получил унижение в отместку, пишет М. Беннигсен-Броксап.

«Уничтожение Араканского отряда и дисциплинарного полка придало повстанцам уверенность и предоставило столь необходимое им оружие и снаряжение в то время, когда их запасы были на исходе, и позволило им сформировать новые отряды. Они усилили свои атаки на всех стратегических точках и дорогах, даже на тех, которые вели к Темир-Хан-Шуре» [10, р. 128, 129], – констатирует автор.

Стратегические преимущества, полученные Красной армией за счет захвата Хунзаха и Гуниба, были утрачены ею самой. Набеги и жестокость по отношению к гражданскому населению, без разбора, было ли это вражеское, нейтральное или союзное население, привели Советы к новой изолированности, они остались без поставок продовольствия, боеприпасов и вновь оказались в осаде в гарнизонных крепостях.

В поле зрения автора находятся дальнейшие события, происходившие в период восстания. 3 декабря повстанцы атаковали Гоцатль. Гунибская и Хунзахская крепости на этот раз были осаждены около двух месяцев. В то время как Гуниб был полностью окружен и войска страдали от эпидемии тифа, не хватало еды и боеприпасов, они были вынуждены есть лошадей, ситуация в Хунзахе была лучше благодаря, по мнению автора, политическому руководству Самурского и деятельности партизан Атаева и Ш. Салихова. Гарнизон удерживал свои позиции на Хунзахском плато, совершал набеги за пределы крепости. Однако М. Беннигсен-Броксап не согласна с утверждением Тодорского, что эти набеги наносили тяжелый урон повстанцам и вызывали беспорядки в их рядах, она полагала, что если бы это было правдой, то осада не продлилась бы так долго. Более

вероятной причиной она считала то, что повстанцы просто не смогли выделить людей для охраны Хунзахского плато и крепости.

Описывая осаду Гуниба, автор восхищается поведением горцев, называя его замечательным примером горского кодекса чести и храбрости. «Когда маленькому гарнизону грозил голод, Самурский обратился к повстанцам со следующими словами, напомнив им, что легко тем, кто сыт, победить голодных: “Если у вас есть честь, если вы действительно сыны Шамиля, как вы утверждаете, если вы хотите показать себя горными орлами, отправьте нам немного еды, и затем мы увидим, кто победит”. На следующую ночь, под обстрелом из гарнизона, повстанцы приблизились к форту и оставили сумки с мукой и едой» [10, р. 129, 130].

М. Беннигсен-Броксап пишет, что с января 1921 г. Красная армия начала применять тактику, основанную на опыте завоевания Кавказа русским царизмом, но в еще более безжалостной форме. Повстанцев, сильно уступавших в численности, окружали с севера и юга, они были вытеснены в самые отдаленные районы Нагорного Дагестана; изолированные от остального населения, они были лишены возможности дальнейшего отступления. Однако политика террора имела свои последствия, так как вела к росту сопротивления и замедляла продвижение Красной армии.

Согласно плану кампании от 28 декабря наступление предполагалось в трех направлениях: Ходжал-Махи, Аймаки, Гергебиль. Был опустошен Ходжал-Махи. Повстанцы потеряли 100 человек убитыми, 140 было взято в плен, потери Красной армии были меньше. М. Беннигсен-Броксап пишет, что это было единственное упоминание о пленных, взятых в период войны. Автор отмечает, что Тодорский с гордостью говорил об этом сражении. Причину этого она видит в том, что этот бой был единственным молниеносным и успешным за весь период войны, также в этом бою Красная армия сумела применить эффект неожиданности и преимущества горной местности [10, р. 131].

Далее автор останавливается на военных действиях, связанных со сражением за Гергебиль. 7 января началось наступление на аул. М. Беннигсен-Броксап пишет, что некоторым местам было суждено оказаться в центре человеческих конфликтов, и таким был Гергебиль. В период российского завоевания он много раз подвергался штурму, был разрушен и восстановлен. Автор уделяет внимание последней атаке, подробно описывая ее. Она была начата в 2 часа ночи 26 января. Повстанцы были вытеснены в сторону аула. Они разделились, одна группа отступила к аулу Кудутль, другая выбрала защиту Гергебиля. Они укрылись в домах и в мечети. Горцы сражались за каждый дом, так что красноармейцам пришлось использовать ручные гранаты, которые они бросали в дымоходы. Мечеть, в которой укрылись повстанцы, была сожжена после нескольких неудачных попыток штурма. В 6 вечера повстанцы были уничтожены, пленных не было, женщины и дети были эвакуированы до сражения, а мужчины погибли в бою. За два дня сражения Красная армия потеряла 142 человека.

«Близлежащие бастионы Кикун и Харта пали в тот же день, и Аймаки на следующий день в два дня, за ними следуют аулы Дарада, Маали, Уздал-Лосо (Уздалросо), Кахи (Кахиб), Тахада и Гоцатль вечером. 28 января Красная армия заняла укрепление Карадах и сняла осаду Хунзаха. Повстанцы отошли к Аракану (Аракани)» [10, р. 132, 134, 135].

В конце января 1921 г., согласно Тодорскому, сопротивление имело 9690 бойцов, пишет автор. Подразделения Красной армии, вовлеченные в конфликт в Дагестане и Чечне, были объединены под общим командованием Терско-Дагестанской группы войск с целью усиления координации.

М. Беннигсен-Броксап останавливается на военных операциях по подавлению сопротивления в Чечне, отмечая, что они не приобрели такого широкого размаха, как в Дагестане. По ее мнению, это было обусловлено тем, что Красная армия держала под контролем ситуацию в низ-

менной части Чечни. Тем не менее здесь велась подпольная повстанческая деятельность, которая оказывала некоторое влияние на разрастание сопротивления. Так, 19 января был внезапно атакован батальон 292-го стрелкового полка, расположенного в Дарго и Белгатой, дагестанцами из Андийского региона и чеченцами из аула Беной, в этом помощь им оказали «подпольные» элементы.

Далее автор пишет, что следующей целью Красной армии после победы над Гергебилем и спасением Хунзаха стали Аракан (Аракани) и Гимры. 14 февраля Аракан (Аракани) пал. С этого момента Советы начали контролировать большую часть Северо-Восточного Дагестана, за исключением Гимры.

Кампания против Гимры началась 25 декабря 1920 г. и завершилась его сдачей 18 февраля 1921 г. Селение Гимры является местом рождения имамов Шамиля и Гази Мухаммада, оно было свято для дагестанцев. Операция в Гимры, согласно Тодорскому, считалась одной из наиболее технически трудных в ходе противостояния. Благодаря естественной защите аула его штурм был невозможен, нужно было задействовать артиллерийские части. Для перемещения артиллерии был выбран путь через Каранай, он был наиболее легким из двух путей, ведущих к аулу. Перемещение артиллерии заняло около месяца, до 24 января 1921 г.

Описывая кампанию против Гимры, автор говорит, что в последнюю неделю декабря Красная армия использовала массированную бомбардировку, гранаты, артиллерию, химическое оружие с целью деморализации врага, хотя от него пострадали только несколько коров. Бомбардировка аула не прекращалась ни днем, ни ночью. Во время канонады повстанцы укрывались в горах, затем устраивали засаду и атаковали артиллерийские части ружейным огнем, по ночам они совершали набеги на укрепления красных и сталкивали их орудия в каньоны.

16 февраля кавказскими красными партизанами и московскими курсантами был блокирован Унцукуль, здесь было создано красное ополчение из 400 стрелков. 17 февраля в Гимры была направлена делегация с предложением о прекращении огня, а 18 февраля аул был занят.

М. Беннигсен-Броксап описывает и мрачный эпизод из истории восстания 1920–1921 гг., который характеризует настроения, преобладавшие среди горцев. В день сдачи Гимры московской бригадой курсантов из 125 человек был занят без сопротивления соседний аул Ашильта. Ночью аул был окружен повстанцами, и с помощью сельчан бригада была уничтожена до последнего человека. На следующий день было найдено 52 изуродованных тела курсантов. М. Беннигсен-Броксап отмечает, что это был единичный случай в период войны, о котором сообщил Тодорский, и задается вопросом, что явилось причиной подобного поведения горцев.

Покорение Гимры предоставило Красной армии возможность контроля над большей частью Северо-Восточного Дагестана. Однако повстанцы обладали Западным Дагестаном и регионом с северо-запада от Хунзаха с форпостами в Мочохе, Матласе и Сиухе. В марте пали друг за другом основные цитадели сопротивления [10, р. 135–138]. Большинство оплотов в Горной Чечне – Дарго, Аллерой, Беной, Датах и Тезен-Кала были покорены между 7 и 14 марта.

Вместе с тем М. Беннигсен-Броксап пишет, что 18 марта вышел приказ о соединении 14-й дивизии с Терской армией, 25 марта Тодорский просил Красную армию (размещенную в Тифлисе) оказать содействие в ликвидации восстания, атаковав повстанцев на западе Дагестана из Грузии. Судьба повстанцев была предрешена. В последнюю неделю марта они собрали остатки своих сил, около 800 бойцов, для контратаки. М. Беннигсен-Броксап выделяет три фактора, повлиявших на ход мартовских событий. Во-первых, это преобладающая роль красных партизан Кавказа; во-вторых, упорство повстанцев, пытавшихся контратаковать при отступлении, и в-третьих – многочисленные «восстания» в захваченных аулах и убийства красноармейцев» [10, р. 139].

Описывая события 1920–1921 гг., исследователь останавливается на Декларации «Революционного Военного совета», с которой совет выступил в Петровске 15 марта 1921 г. После ошибок, допущенных на территории Дагестана и Чечни, Революционный Военный совет призвал свои отряды изменить отношение к местному населению и учитывать исторические и политические особенности, традиционный уклад жизни горцев. Это предоставило бы Красной армии возможность убедить горскую бедноту в своих мирных намерениях. Предполагалось начать политическую работу по установлению дружественных отношений между армией и населением.

Вместе с тем М. Беннигсен-Броксап отмечает, что последним отрядом повстанцев руководил полковник Джафаров, в его подчинении было 250–300 человек, отряд включал и несколько оставшихся в живых лидеров восстания, население аулов Бежта и Гидатль. В апреле повстанцы отступили, чтобы подготовить оборону на последнем рубеже, выбрав Гидатль. Пока горы были покрыты снегом, их опорный пункт был хорошо защищен, к нему имелся единственный доступ через узкую извилистую тропу. 20 мая началась атака Гидатля, ею руководил партизан Атаев, за ним следовали подразделения Красной армии. Гидатль пал. 21 мая были захвачены оставшиеся аулы Мегитль (Магитль) и Шиди.

Автор описывает судьбы руководителей повстанческого движения: «Полковник Кайтмас Алиханов с тремя сыновьями были схвачены и убиты во время сражения; полковник Джафаров бежал, но позже сдался Советам в Темир-Хан-Шуре – его судьба после этого неизвестна; полковник Омар Пиралов был убит позже; лейтенант Абакаров был пойман живым, но он покончил жизнь самоубийством, спрыгнув с Гидатлинского моста в Аварское Койсу; Саид Бек бежал в Турцию; Гочинский скрывался и был схвачен и убит только в 1925 г.» [10, р. 139, 140, 141].

Потери Красной армии в Дагестане составили около 5000 человек. Как отмечает М. Беннигсен-Броксап, А. Тодорский признавал, что успехи Красной армии в боевых действиях в Дагестане были достигнуты благодаря использованию артиллерии.

Таким образом, в своей статье Мария Беннигсен-Броксап описывает события восстания 1920–1921 гг., отмечая неподготовленность Красной армии в начале восстания ввиду отсутствия опыта ведения боевых действий в горной местности, останавливаясь на сражениях, позициях, характеристике командующих обеих сторон. Автор указывает причины антисоветского восстания: это и насильственные действия со стороны Советов, и социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в регионе. Однако М. Беннигсен-Броксап упустила из поля зрения вопросы, связанные с вмешательством стран Антанты, с их интересами на территории Северного Кавказа, с обеспечением повстанцев оружием и продовольствием, в котором им оказывали помощь иностранные державы, упоминая лишь о том, что к ним присоединился внук имама Шамиля из Турции.

Историк и политолог М. Беннигсен-Броксап полагала, что проблемы, с которыми столкнулись Советы на территориях России с преобладающим мусульманским населением, сделали невозможным их военное и политическое вмешательство в дела Турции и Ирана, то есть внутренние проблемы оказали большое влияние на политику Советов в отношении мусульманского мира за рубежом [10, р. 143].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kenez P.* Civil war in South Russia, 1918. The first year of the volunteer army. Berkeley, 1971. 351 p.
2. *Kazemzadeh F.* The struggle for Transcaucasia, 1917–1921 / With an introd. by *M. Karpovich*. New York: Philos. Libr.; Oxford: Ronald, 1951. 356 p.
3. *Allen W.E.D., Muratoff P.* Caucasian battlefields. A history of the wars on the Turco-Caucasian border 1828–1921. Cambridge: University press, 1953. 614 p.

4. *Luke H.C.J.* Cities and men: An autobiography. Vol. II: Aegean, Cyprus, Turkey, Transcaucasia & Palestine (1914–1924). London, 1953. 262 p.
5. *Chamberlin W.H.* The Russian revolution. 1917–1921. In 2 vol. Vol. 2. 1918–1921: From the Civil War to the consolidation of power. New York: The Universal library. Grosset & Dunlap, 1976. 572 p.
6. *Gokay B.* Turkish Settlement and the Caucasus, 1918–20 // *Middle Eastern Studies*. Apr. 1996. Vol. 32, N 2. P. 45–76.
7. *Rasizade A.* Chechnya: The Achilles heel of Russia – part one // *Contemporary review*. Apr., 2005. Vol. 286, N 1671. P. 193–197.
8. *Marshall A.* The Caucasus under Soviet rule. London and New York: Routledge, 2010. 387 p.
9. *Бобровников В., Вачагаев М.* Мария Беннигсен-Броксап (1944–2012) // *Восток (Oriens)*. 2014. № 1. С. 205–207.
10. The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World / Ed. by *Marie Bennigsen Broxup*. London: Hurst & Co., 1996. 252 p.

Поступила в редакцию 23.03.2021 г.

Принята к печати 24.09.2021 г.